

Книги Алексея Пехова, Елены Бычковой,
Натали Турчаниновой
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Алексей Пехов

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ**

Цикл

«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЬМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

Цикл «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ
ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН**

Цикл «СИНЕЕ ПЛАМЯ»

**ЛЕТОС
СИНЕЕ ПЛАМЯ**

Алексей Пехов, Елена Бычкова,
Наталья Турчанинова

ШАНС

Цикл «МАСТЕР СНОВ»

**МАСТЕР СНОВ
СОЗДАТЕЛЬ КОШМАРОВ**

Цикл «ЗАКЛИНАТЕЛИ»

**ЗАКЛИНАТЕЛИ
ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА**

Цикл

«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

Алексей Пехов, Андрей Егоров
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова
ИНОГДА ОНИ УМИРАЮТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

СОЗДАТЕЛЬ КОШМАРОВ

РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 980

Художник
М. Поповский

Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В.

П23 Создатель кошмаров: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2139-8

Баннгок — кибернетический гигант, захвативший весь юго-восток Азии. Городская агломерация Александрия на севере Африки. Бэй-цин — мощный промышленный мегаполис, находящийся на грани экологической катастрофы... Вот ближайшие техногенные соседи Полиса, подталкивающие мир к границе катаклизма.

Но проблема не только в них.

С каждым днем угроза благополучию и гармонии Полиса становится все более серьезной, хотя пока это ясно лишь тем, кто защищает спящих. Мир сновидений нестабилен и все опаснее для мастеров снов, а часть кошмаров вырвалась в реальность, убивая и калеча. Неся страх, неуверенность, агрессию, ненависть. И это лишь первый удар дэймосов.

Позорное прошлое создателя кошмаров сложно забыть, а тем более исправить. В одиночку вести борьбу с призраками, возникающими из небытия, смертельно трудно. Жертвы былых преступлений напоминают о себе, когда ждешь этого меньше всего, и приходится вновь и вновь вглядываться в их могильные плиты, чтобы найти решение, а может, даже спасение — для всего мира и себя самого.

Предательство самого близкого человека — непоправимая ошибка или жестокая необходимость, которая приведет к катастрофическим последствиям?

Сны становятся все более явными, кошмары — запутанными, а реальность — опасной...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пехов А. Ю., Бычкова Е. А.,
Турчанинова Н. В., 2015

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2139-8

Братом Гипноса — повелителя сна, по праву считается Танатос — бог смерти.

Они равны по силе, приходят внезапно, в тот миг, когда их не ждут. И могут не откликаться на самый страстный зов. Ни одна преграда не сдержит их, ничья мольба о снисхождении не остановит. Один является на исходе дня, другой — жизни.

Каждый повелевает сонмом чудовищных химер и дивных созданий, которых порождает подсознание человека.

Оба безжалостны и милосердны, невидимы и всеобъемлющи в своей власти, непостижимы и прекрасны. Избавляют от усталости, боли, болезни, разочарований.

Они приходят вместе, и в тени одного брата всегда скрывается другой. Но никому из людей не дано понять, кто посетил его — сон или смерть.

Глава 1 ЛАМИЯ

Все было как всегда. Семья собралась за большим столом, накрытым скатертью с тонким узором ветвей оливы. От окна летел свежий ветер, пахнувший прохладной морской водой и немного водорослями. Солнце уже касалось краешка горизонта, и во все небо раскинулись закатные лучи, пронзающие облака. Привычный вечерний пейзаж.

Ничего не изменилось. Но Лей замер у двери, глядя из темноты коридора в столовую, и не решался сдвинуться с места. Его светлые волосы растрепались, несколько прядок прилипло к потному лбу. Бледное лицо с широко расставленными глазами, прозрачными как вода, и прямой переносицей застыло в маске испуга. Хотя бояться на первый взгляд было абсолютно нечего. Отец разливал сок по стаканам и что-то весело говорил матери. Та улыбалась, подавая тарелку старшей сестре. Братья незаметно пинали друг друга под столом, фыркая от смеха. Пахло только что испеченными булочками с розмарином, свежей пряной зеленью, теплым жареным сыром и цедрой лимона.

Все по-прежнему. Только Лей отчего-то не мог заставить себя сделать десяток шагов, чтобы присоединиться к родным. Ноги не двигались. По спине пробежал озноб. Холод тяжелым, колючим комом лежал в желудке.

Мальчишка мог разглядеть каждую складку на льняной скатерти, каждый стежок в вышивке, легкий светлый локон, падающий на лоб матери, тонкие морщинки у смеющихся глаз отца, блеск заколки в волосах сестры, свежую царапину на подбородке младшего брата. Взгляд Лея, словно затравленный зверек, метался из стороны в сторону, це-

пляясь за новые и новые подробности мирной картины семейного ужина, но они не успокаивали, наоборот, становилось все страшнее.

— Лей, ну где же ты? — позвала мать, и ее веселый, мягкий голос едва не заставил его пойти вперед.

— Он всегда опаздывает, — сказала сестра, и высокий золотистый «хвост» на ее макушке мотнулся по спине. — Наверное, опять уткнулся в книгу.

— Тогда я сяду на его место, — заявил младший брат.

— Ты останешься на своем месте, — с притворной строгостью возразил отец и чуть повысил голос: — Лей, ну где ты там, еда остывает!

Мальчишка глубоко вздохнул, переступил с ногу на ногу. Сейчас он должен был убеждать себя, что ничего необычного не происходит, а все страхи — пустая выдумка. Вот его семья. Они ждут и зовут. Улыбаются, шутят и смеются.

Он совсем уже было решился приблизиться к столу, даже подался вперед, но тут же в темноте коридора за его спиной возникло стремительное движение. Лей чуть не вскрикнул от неожиданности, однако крепкая ладонь зажала рот, не давая даже пикнуть, а над ухом прозвучал приглушенный голос:

— Тихо. Не вздумай кричать. Понял меня? ...Если понял, кивни.

Лей попытался утвердительно наклонить голову, и его сразу выпустили. Он стремительно оглянулся и увидел человека, стоящего рядом. Высокий, с очень светлыми волосами, лицо в тени, черт не разглядеть, только поблескивают белки глаз.

— Не ходи туда, — тихо произнес незнакомец.

— Вы кто?! Что происходит? — яростно, хотя и беззвучно зашептал мальчишка. — Почему я не могу?..

— Это не твоя семья. — Рука, продолжавшая сжимать его плечо, потянула дальше от ярко освещенной столовой. Глубже в тень, которая сейчас казалась спасительной.

— А кто это? — голос Лея дрогнул.

— Кое-кто другой. — Мужчина, чуть прищурившись, посмотрел в сторону комнаты. — Побудь здесь. А я пойду поздороваюсь.

Он отстранил мальчика и направился на свет. И только теперь стало видно, что его волосы густо засыпаны сединой. А за спокойными, сдержанными, на первый взгляд, движениями скрывается настороженность.

Лей начал отступать — до тех пор, пока не уперся спиной в стену. И остался стоять, глядя на человека, неизвестно как появившегося в его доме. Липкий страх постепенно отползал, вместо него приходили тревога и обреченность.

Незнакомец непринужденно вошел в столовую и остановился, не доходя до стола несколько шагов. Его высокие ботинки оказались стоптаны и покрыты пылью, как будто мужчина прошагал пешком немало дорог, простые джинсы потерты, белую футболку пересекает ярко-алая надпись: что-то на латыни, первое слово, кажется, означает «жизнь»...

— Красивый закат, — произнес он бодро.

Сидящие за столом замерли. Мать продолжала держать блюдо в руках, и улыбка как будто приклеилась к ее лицу, стягивая кожу. Отец смотрел на братьев, словно не замечая непрошеного гостя. Сестра не шевелилась, мальчишки замерли в неестественных позах.

И только теперь Лей понял до конца, что все эти пятеро только напоминают его родных. Нацепили похожие маски и подделали голоса.

— Заметили, что темнеть стало раньше? — продолжил мужчина как ни в чем не бывало. — Осень приближается.

И в этот миг сестра, все это время сидящая спиной к двери, начала поворачиваться. Медленно-медленно. Кажется, ее шея двигается с трудом, словно заржавевший винт.

Лей сжался, не в силах отвести взгляд, хотя знал, что лучше отвернуться.

Показалось ухо, выглядывающее из золотистых завитков, край скулы, уголок губ... Мальчишка судорожно сглотнул — ему почудилось, что с ее ртом что-то не то. И тут сестра рывком повернула голову, чтобы посмотреть на незнакомца позади.

Лей вздрогнул, задел стоящий рядом торшер, и тот опасно закачался. Но он даже не заметил этого, с ужасом рассматривая кривую, зазубренную щель, перерезающую лицо сестры от щеки до щеки, разрывы глаз, как попало проделанные в коже. Уродливую маску без носа обрамляли блестящие волосы, а шею, исполосованную длинными шрамами и выпирающими сухожилиями, обхватывала нитка голубых бус.

— Зачем тревожите мальчишку? — спросил незнакомец сухо, не выказывая ни капли страха или удивления.

Братья тоже повернулись. У них оказались такие же страшные морды — только меньше: высохшие, сжавшиеся, желто-бурые. Как подгнившие лимоны, в которых кто-то вырезал подобия человеческих лиц.

— Поужинаешь с нами? — любезно поинтересовалась мать, выходя из своего одеревенения. — Если Лей не хочет есть, займешь его место?

Ее взгляд скользнул во мрак коридора, словно зная, кто там скрывается.

— Благодарю. — Мужчина обошел стол и присел на свободный стул.

Свет упал на его лицо. Преодолевая оцепенение в мыслях, Лей понял, что оно напоминает иллюстрацию в учебнике истории. Так обычно рисовали бога снов. Совершенные черты, как будто выточенные из мрамора. Но в отличие от книжного божества, изображенного в состоянии вечного безмятежного покоя, этот был живым, наполненным энергией и силой. Глядя на него, Лей чувствовал, как страх уходит.

Мужчина смотрел на чудовищных существ перед собой со спокойным вниманием. Значит, они не были такими уж страшными. Или не были опасными для этого удивительного человека.

— Меня зовут Мэтт, — произнес он, дружелюбно улыбаясь.

Сидящие за столом как будто не проявили интереса к его попытке познакомиться, а гость продолжил невозмутимо:

— И у меня есть для вас предложение. Вы оставляете мальчика в покое. А я отдаю послание, которое передали ваши сородичи.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия, — сказала сестра неожиданно скрипучим голосом.

— Оставьте мальчика. Ему трудно и страшно. Ваши появления — всего лишь жуткий кошмар для него.

Существа покачнулись. По ним словно прошла волна. Лей пригляделся и увидел, что тела пугающих существ соединены друг с другом тонкими струйками дыма, который утекает в дальний угол комнаты. А там, в углу за диваном, затаился кто-то размытый, нечеткий, лениво колеблющийся из стороны в сторону.

Страх снова вернулся. На этот раз такой же мутный и бесформенный, как это нечто в темноте. Лей застыл, стараясь вообще не шевелиться, а еще лучше даже не дышать.

Мэтт же, непринужденно расположившийся за столом, не отрываясь смотрел на одного из братьев. Тот едва заметно покачивался из стороны в сторону, и белесая нить за его спиной дрожала, словно оборванная струна.

— Хорошо, — сказал он наконец, подался вперед и потребовал: — Послание.

Мэтт опустил руку на стол ладонью вверх, и все пятеро уставились на нее, словно действительно читали надписи на коже. Они сидели так довольно долго. Секунды текли, в полной тишине слышалось лишь царапанье ветра за окном. А затем тела существ начали таять. По-настоящему. Лей, уставший бояться, видел, как с их тел вместе с одеждой исчезла кожа, затем красная плоть, а потом в воздухе растворились желтые скелеты. Длинные полосы дыма еще колыхались в комнате несколько мгновений, затем развеялись и они. Происходящее казалось все более и более нереальным.

Мэтт сжал в кулак ладонь, которую так внимательно рассматривали существа, откинулся на спинку стула и позвал негромко:

— Элий, иди сюда. Они не вернуться.

Пошатываясь, мальчишка выбрался из темноты и побрел к столу. У него даже не хватило сил на то, чтобы удивиться, откуда чужак знает его полное имя.

— Где мои родители? — спросил Лей тихо. — Сестра? Братья?

— Родители, полагаю, сидят рядом с твоей постелью, — ответил Мэтт задумчиво. — Сестра и братья спят.

— Рядом с моей постелью... значит, я...

— Да. Ты находишься во сне.

Сразу все стало понятно. Это был очередной кошмар. Просто очень реальный. Лей украдкой ущипнул себя. Почувствовал боль, но не проснулся. Мужчина, заметивший его манипуляции, усмехнулся.

— Это не поможет. Если они пришли к тебе — значит, так просто не выпустят.

Лей поежился, глядя на пустые стулья, где только что сидели сущности, принявшие облик его семьи.

— А кто это?

— Их называют онирами, божествами сновидений. И встреча с ними — большая удача.

Мальчишка совсем не считал себя осчастливленным появлением компании божеств, кем бы они ни были.

— Что им нужно от меня?

— Твой сон, — улыбнулся Мэтт, потирая ладонь, которую показывал онирам. — Вернее, сон ребенка. Он отличается от сна взрослого по некоторым параметрам. Грубо говоря, дети видят больше сновидений. Вы более эмоциональны, психически нестабильны, легко перескакиваете из кошмара в приключение, из реальности в потусторонний мир.

Мэтт поднялся, вышел из-за стола, встал напротив. Теперь Лей смотрел на него снизу вверх и слушал с легким недоумением.

— Онирам нужны подобные проводники, так как сами они слегка ограничены в передвижении, потому что привязаны к определенным участкам сна. А ребенок мог бы открывать для них новые двери.

— Но почему они пришли ко мне?!

— Почувствовали в тебе нечто важное для себя. Вполне возможно, твои сны — самые лучшие пути для них. Но точно никто сказать не сможет.

— А если я не хочу?

— Твое право отказать. Когда в следующий раз встретишь их во сне — скажи, чтобы больше не тревожили тебя.

Лей задумался. Сейчас, когда он понял, что все происходящее — не реально, страх пропал совсем. Вместо него неожиданно пришло любопытство.

— А если я соглашусь?

— Вероятно, увидишь всякие диковинные миры, переживешь удивительные приключения...

— Я стану сновидящим?! Как ты? Ты ведь сновидящий, да?

— Да, — усмехнулся Мэтт. — Я целитель. Твои родители очень обеспокоены. Ты плохо спишь, часто просыпаешься с криком ужаса. Стал нервным и раздражительным. Тревожным.

Лей отмахнулся от этих сведений, как от чего-то незначительного. Ничего подобного о себе он не помнил. Да, признаться, и не хотел вспоминать, его занимало другое.

— Так я стану сновидящим?

— Нет, — понимающе улыбнулся Мэтт. — Но до того времени, как ты вырастешь, у тебя будут некоторые способности. Те, что подарят ониры за помощь. Сколько тебе, двенадцать?

Мальчишка рассеянно потер лоб, напряженно размышляя.

— Года четыре у тебя есть.

Лей кивнул и уверенно посмотрел на мужчину. Лицо целителя окрасилось красноватым светом заходящего солнца. Поэтому выглядело и мрачно, и торжественно. Вполне подходяще под атмосферу принятия самого важного решения в жизни.

— Я хочу попробовать. Только если они больше не будут притворяться моими родными. И если не будут выглядеть так страшно.

— В снах часто приходится встречаться со страхом, — мягко напомнил Мэтт.

— Знаю, но я смогу научиться бороться с ним, — с воодушевлением заявил Лей. — Да. Я согласен.

— Уверен?

— Да.

— Хорошо. Значит, когда ониры появятся в твоём сне снова — начни с ними беседу. Подтверди, что готов им помогать. Они сами расскажут, что делать. А теперь... — Мэтт протянул руку и слегка коснулся указательным пальцем его лба. — Просыпайся.

Мальчишка вздрогнул, отшатнулся. Веки его опустились, мышцы лица расслабились. Но он не пробудился. Наоборот, стал погружаться глубже в сон. Стремительно приближалась основная фаза, полностью лишённая всяческих видений. Та самая, похожая на смерть. Пространство вокруг начало разваливаться. Рушиться в темноту огромными кусками.

Худая фигура мальчика растаяла...

...Я открыл глаза. В комнате было темно. Свеча погасла. Душный запах сторевавшего фитиля ещё не выветрился. Полумрак искажил реальные очертания предметов. Громоздкий книжный шкаф, казалось, наклонился вперёд, тускло мерцающая стеклами. Стол присел на всех четырёх ножках, словно готовясь к прыжку. Дверь из комнаты отделилась, как будто до неё был десяток метров, не меньше.

За окном шумел дождь, порывистый ветер раскачивал ветви деревьев. Их чёрные взъерошенные тени слепо ползали по стенам, задевая друг друга косматыми лапами. Это в Центральном Полисе сейчас было тепло, а временами даже жарко, здесь же, на северо-восточной границе, уже всюду царствовала поздняя осень.

Пуговица, зажатая в кулаке, врезалась краями в кожу. Элий, мальчишка двенадцати лет. Любимец ониров. Редкий дар и редкая печаль.

Если бы я был обычным человеком, не сновидящим, и ониры сделали мне подобное предложение, я бы отказался. Приобрести уникальные способности, развивать их, а спустя недолгое время, на самом пике своего могущества, потерять дар полностью. Слишком большое разочарование.

Впрочем, вполне возможно, я не прав. И мальчишка с редким именем, происходящим от древнего названия солнца — Гелиос, достойно примет необыкновенные силы. Будет мудро пользоваться ими все положенное время, помо-

гая людям, а затем спокойно и с благодарностью расстанется с ними.

Я поднялся, продолжая сжимать в кулаке пуговицу, с помощью которой проник в беспокойный сон мальчишки. Хотел бросить ее в банку с десятком таких же трофеев, но в последний миг передумал. Человек, которому покровительствуют ониры, большая редкость. Не стоит так легко отбрасывать возможность пообщаться с ним. Связь с человеческим помощником божеств сна лучше не терять. Поэтому я открыл верхний ящик древнего комода и убрал белый пластиковый кружок в пустую коробку, где когда-то лежали запонки.

Надеюсь, Герард не воспримет мою предусмотрительность как эгоистичное желание наживы.

Я задвинул ящик и пошел в ванную. Меня слегка покачивало. Работа сновидящего-целителя никогда не была легкой, а встречи с онирами иногда крайне выматывают. Как сегодня.

Я включил воду. Мое отражение в зеркале быстро запотевало. Почти заурядное лицо, совсем не похожее на мой образ в мире снов, взлохмаченные волосы...

На стеклянной полке навалены вещи Хэлэны. Два гребня, пара флаконов, целая коллекция зубных щеток, россыпь дешевых браслетов... Она так и не возвратилась за ними. Можно было взять любую мелочь и с ее помощью войти в сон девушки. Заставить вернуться. Внушить чувство глубокой зависимости от меня.

Но я не стал проникать в подсознание покинувшей меня ученицы. Это было бы по меньшей мере нечестно.

Я завернул кран. Разделся, опустил в обжигающе горячую воду и замер в неподвижности. Тут же на меня навалилась тишина. Она расплзалась вместе с темнотой из широкой щели между приоткрытой дверью ванной комнаты и обшарпанным косяком. Впрочем, это безмолвие оказалось обманчивым.

Старый дом постепенно наполнялся шорохами и стуками. Теперь, когда я жил в нем один, временами они делались вызывающе навязчивыми. На втором этаже скрипели

половицы, словно по ним не торопясь бродил некто тяжелый и медлительный. Время от времени эти шаги заглушал быстрый, стремительный топот легких ножек — и я понятия не имел, кому они могли принадлежать. Затем начинала скрипеть дверь в комнате, смежной с гостиной. Потом кто-то с ожесточением скребся в углу, явно пытаясь прорыть ход из одной комнаты в другую.

Вполне возможно, неподготовленного жильца подобные концерты по ночам могли напрягать, а особо впечатлительных даже утратить. Мне было все равно. Трудно напугать кошмар. Я спокойно засыпал под аккомпанемент шагов, грозного дыхания, леденящих взглядов и зловещих шорохов. Практически как сейчас.

Я закрыл глаза всего на минуту, как мне показалось, что шелест и скрип отдалились, превращаясь в ровный убаюкивающий фон, который внезапно начал перемежаться частым, торопливым стуком. Некоторое время сквозь приятную дрему я лениво вслушивался в неровные звуки. Они становились все громче и настойчивее, а меня вдруг осенило — это не очередная шутка моего дома. Стучали во входную дверь.

— Никого нет, — пробормотал я, или мое тело сновидения, и окончательно проснулся.

Вода успела остыть. Дверь в ванную оказалась распахнута настежь, хотя я помнил, что прикрывал ее.

Можно было сделать вид, что я не слышу назойливых призывов позднего гостя, мысленно пожелать ему отложить все дела до утра и с чистой совестью отправиться спать. Только обычно в дверь сновидящего не барабанят в столь поздний час с просьбой разделить праздничное вино в беззаботной компании. Поэтому я выбрался из ванны и, одеваясь на ходу, пошел открывать. Мелькнула мысль, что это могла быть Хэл, но я помнил — у моей ученицы есть ключ.

Я ожидал увидеть кого угодно — подростка, сбежавшего от ночных кошмаров, напуганных родителей, обеспокоенного мужчину или женщину в тревоге... Реальность оказалась гораздо более удивительной. ...На пороге моего дома стояла Таля.

Гибкая фигура обернута тонким бежевым плащом. На нежно-рыжих, коротких завитках волос брызги дождя. Зонт, похожий на прозрачный купол, отражает блеклый свет из окна. К мокрым носкам замшевых туфель на плоской подошве прилипли желтые опавшие иглы лиственниц, густо устилавшие дорожку к дому.

Красивое лицо бесстрастно, и даже сияющие янтарные глаза не смягчали выражения равнодушной вежливости.

Прохладный осенний воздух резким порывом ветра хлестнул меня по босым ногам, и я пришел в себя от удивления.

— Талия?!

— Извини за беспокойство, Аметил, — произнесла она своим уникальным чувственным голосом, в котором не было ни капли тепла. Харита скользнула взглядом по моей мокрой, полудетой фигуре и добавила: — А также за столь поздний визит.

— Прошу, проходи.

Я бы меньше поразился, если бы меня навестил Геспер лично. Даже появление Тайгера воспринял бы более как должное. Но что могло понадобиться Талии, которая терпеть меня не могла?

Я посторонился, и девушка скользнула мимо, не задев меня мокрым плащом. Поднялась по трем ступенькам и, пока я запирал дверь, сделала несколько шагов в темноту коридора, ведущего в жилую часть дома, но остановилась, словно не решаясь идти дальше.

— Интересная архитектура, — произнесла харита как-то бесцветно, когда я подошел к ней. — Необычная.

— В этой местности очень суровые зимы, — отозвался я, продолжая недоумевать внутренне. — Два коридора — дополнительная защита от холода.

— Можно поставить добавочный генератор. — Она подождала, пока я открою перед ней дверь в прихожую. — Увеличить подачу тепла.

— Дом старый. Но я не хочу его перестраивать.

Талия огляделась, ища взглядом, куда поставить мокрый зонт, и прислонила его к вешалке. Я помог ей снять плащ и

пристроил на одинокий крючок поверх своей куртки. Под плащом на харите был костюм бледно-серого цвета. Он удивительным образом оттенял ее рыжие волосы и подчеркивал все достоинства фигуры.

— Сюда. — Я провел ее в темную гостиную, зажег свет. Под потолком неохотно вспыхнула пыльная люстра.

Девушка вошла в комнату. Огляделась мельком, и ее лицо стало еще более замкнутым, отстраненным.

Я всегда считал, будто умею неплохо ладить с людьми. Но сейчас с удивлением осознал, что не представляю, как вести себя с ней, чтобы не нарушить шаткое перемирие, внезапно возникшее между нами.

Она опустила на стул, боком стоящий у стола, и жадно смотрела по сторонам.

— Это дом Феликса?

— Да, — ответил я, не слишком желая развивать любую тему, связанную с учителем. — Хочешь чаю, Талия? После такого холода он будет очень кстати.

— Благодарю, нет. — Харита посмотрела на меня снизу вверх, в ее медовых глазах засветились огоньки люстры. — Ты помнишь тюрьму дэймосов, Аметил?

— Ты проделала такой долгий путь для того, чтобы поговорить со мной о тюрьме для дэймосов? — Я сел на диван, чувствуя, как мое ошеломление и удовольствие от ее визита стремительно сменяются настороженностью и жгучим недоверием.

— Я принесла дурные новости.

— Что-то с Хэл?

Харита впервые чуть улыбнулась, по всей видимости смягченная моим искренним беспокойством об ученице.

— За ней присматривает Геспер. И причин для тревоги нет.

— Но ты выглядишь встревоженной, фаенна Талия. В чем дело?

— Ты хорошо помнишь тюрьму дэймосов, Аметил? — повторила она, и мне пришлось ответить:

— Да. Но лишь ту ее часть, которая находится в реальности.

— Ты знаешь, кто там заключен? — голос хариты стал строже, взгляд медовых глаз сделался пронизывающим.

— Да.

Беседа все больше напоминала допрос. И я вспомнил, что передо мной не просто прекрасная девушка и гениальный сновидящий, а еще и представитель Пятиглава.

— Ты хорошо знаком с ними?

— Эти вопросы мне уже задавал Тайгер. И многие другие. Я ответил на все. Если у него возникли новые — пусть явится сам.

— К сожалению, это невозможно. Он очень занят. — Таля посмотрела вверх. Словно опасалась, что там, на втором этаже, заперты мои кошмары и любой из них может подслушивать.

— Общение во сне тоже пока никто не отменял.

— Мы могли бы вызвать тебя в Пятиглав. — Харита пошевелилась, меняя позу, и я снова не мог не отметить ее изящество, хотя теперь эта грация порядком отвлекала меня. — Но этот дом дает тебе силы, — продолжила девушка. — И надежную защиту.

— Таля, — я решительно подался вперед, усилием воли сбрасывая ее умиротворяющее обаяние, — что происходит?

Она опустила руку в карман, вытащила что-то и поставила на край стола.

Это был маленький замшевый кролик, порядком затертый, с вылезшими кое-где нитками. К его лапе розовой ленточкой примотана черная пуговица.

— Тебе знаком этот предмет? — тихо спросила девушка.

Неприятные воспоминания коснулись меня роем жалищих ос. Все, о чем я хотел забыть, возвращалось.

— Это игрушка Спиро. Девочка — дэймос. Ламия, насколько мне известно. Одна из заключенных, — сказал я отрывисто и усмехнулся. — Пуговицу вижу впервые.

— Она с одежды Домиана. Это ученик Тайгера. Он попал в ловушку. Спиро держит его запертым в его собственном подсознании. И грозитя убить.

— Талия, погоди. — Я поднялся, взял второй стул, поставил напротив девушки и снова сел. — Давай уточним. Пленный дэймос захватил сновидящего?

— Да.

— А Пятиглав не может вытащить его из объятий ламии, потому что боится за его жизнь и не хочет рисковать?

— Именно так.

Теперь я выступал в роли допрашивающего. Талия послушно отвечала.

— Как это вообще возможно?

— Домиан совершил ошибку.

— И кто будет за нее расплачиваться?

Харита взяла игрушку и вложила в мои руки. Ее пальцы были теплыми и гладкими, поверхность кролика — рубчато-шершавая и холодная.

— Спиро просила передать, что, если ты придешь к ней, она отпустит сновидящего.

Я рассмеялся, и мой смех прозвучал совсем не весело.

— Вранье. Ни один дэймос не выпустит свою жертву. Зачем я ей понадобился?

— Я не знаю, Аметил, — задумчиво произнесла девушка. — Вполне возможно, ради мести. Они все еще в плену. А ты изменил свою природу. Отказался от хаоса и разрушения. Стал свободен.

Она внимательно смотрела на меня, ожидая моей реакции. Логичная харита со сверхбогатым воображением прекрасно знала ответ.

— Нет, фаенна. Слишком мелкая причина. Ради этого Спиро не стала бы так рисковать. И ты сама это знаешь.

Медовые глаза чуть прищурились, гася теплый свет в густых ресницах. А я смотрел на создательницу волшебных снов и размышлял, подбрасывая на ладони игрушку дэймоса.

Почему они отправили ко мне тебя, Талия? Не Клио. Не Герарда. Впрочем, оракул сейчас, должно быть, занят — пытается просчитать все возможные пути развития конфликта. Так же как и Тайгер с Геспером. Но почему не Клио? Она всегда была добра ко мне. На ее просьбу о помощи я бы откликнулся быстрее.

— Тебе понадобится *моя* помощь, Аметил, — произнесла харита, словно зная, о чем я думаю. — Да, я не воин сновидений. И не могу предчувствовать ложь, смерть и опасность, как прорицатель. Но я умею менять сон и реальность местами. Вкладывать одно сновидение в другое. Из моего лабиринта с трудом сумеет выбраться даже дэймос.

— Ты не сможешь провести создателя кошмаров.

Она подняла голову, глядя прямо мне в лицо, и ее глаза засияли.

— Ты уверен? — спросила Талия тихо.

Ее голос гулким ударом меди отозвался у меня в ушах. Я моргнул, дернулся и едва не окунулся с головой в ледяную воду. Я все еще лежал в ванне, призраки дома притихли, а с улицы доносился равномерный, требовательный стук.

Я торопливо поднялся и, слегка оглушенный внезапной сменой реальности, не одеваясь, поспешил открывать. Распахнул дверь. Холодный ветер с дождем ударил меня из темноты. На улице никого не было. Только на ступени крыльца сидел потрепанный игрушечный кролик с пуговицей, небрежно примотанной к лапе. Создавалось впечатление, что это он только что колотил в дверь. Я наклонился и поднял его. Замша была влажной на ощупь, а сама игрушка оказалась неожиданно тяжелой.

Второй раз за ночь я запер дверь и вернулся в дом. Сразу прошел в ту комнату, где мы проводили совместные занятия с Хэленой, протянул руку к выключателю и услышал из темноты тихий голос:

— Не зажигай свет, Аметил. Мне нужно настроиться на работу.

— Как прикажете, фаенна, — ответил я с улыбкой и подумал, что даже не успел спросить, с чего Талия решила, будто я готов спасти незнакомого мне Домиана.

Впрочем, я же целитель. А подобные вопросы они не задают.

Я лег в кровать, с которой поднялся не так давно, ощущая совсем близко тепло женского тела, волновавшего меня, признаться, гораздо больше, чем было допустимо сейчас.

На запястье моей руки, сжимающей игрушку Спиро, опустилась легкая ладонь.

— Не боишься выходить в сон из убежища дэймоса? — спросил я, наслаждаясь этой внезапной близостью.

Талия рассмеялась тихо и промолчала. Впрочем, ответ не требовался. Вряд ли хариту легко напугать. С ее-то воображением.

— Как ты засыпаешь? — задал я новый вопрос.

Если бы на месте моей гостьи была Хэл, сейчас кто-нибудь из нас произнес негромкое «вокруг» и, подчиняясь волшебному слову, мы оба провалились в сон.

— Представляю что-нибудь, — сказала девушка спустя короткую паузу, и я понял, что подробностей не дождусь.

Впрочем, они меня и не касались. Я опустил веки, прошептал свой пароль на вход в другую реальность, а через мгновение открыл глаза.

Игрушка из моей руки исчезла. На соседней кровати приподняла голову с полусогнутого локтя Талия. Она выглядела точно так же, как в жизни. Рыжая короткая стрижка, нежное лицо с акварельным румянцем, беззащитная шея, янтарные глаза, чуть затененные длинными темно-золотыми ресницами.

— Всегда хотел, чтобы ты создала для меня сон.

Харита чуть улыбнулась.

— Ты еще ничего не сделал, а уже просишь награду.

— Ну, должна же у меня оставаться надежда.

Я встал и протянул ей руку. Талия взялась за мою ладонь и легко поднялась.

— Хорошо. Я подумаю над тем, чтобы создать для тебя сон.

Мы не торопясь направились к выходу. Харита по-прежнему внимательно смотрела по сторонам, вдыхала ароматы осени, просачивающиеся в старое здание, мимоходом касалась холодного, отполированного дерева стен, потрескавшихся, шершавых обоев. Уверен, она запоминала интересные нюансы запахов, оттенки цветов, отголоски звуков, чтобы использовать в дальнейшем в своих творени-

ях. Создательница волшебных снов всегда была на работе, даже в то время, когда ей предстояло спасти человека.

— Пока мы не вышли за территорию твоего дома, — произнесла она, останавливаясь на тропинке, застеленной мягкой дорожкой из желтых опавших игл. — Хочу уточнить. Тебе ничего не грозит.

Последнюю фразу она произнесла с непоколебимой твердостью. Ее взгляд был наполнен янтарным спокойствием.

— Да не то чтобы я волновался...

Талия чуть нахмурилась, игнорируя мою иронию.

— Твоя цель — отвлечь ламию. Просто говори с девочкой. Заставь как можно сильнее сконцентрироваться на себе. И будет просто великолепно, если тебе удастся вынудить ее хотя бы на мгновение выпустить из внимания пленника.

Я молча кивнул. Задача была ясна. Нам обоим не требовалось больше тратить время на обсуждение деталей плана. Мне уже приходилось вырывать жертвы из смертельных объятий дэймосов, и харита прекрасно знала об этом.

Я открыл калитку, брякнув металлическим засовом. В лицо ударил влажный, холодный ветер. Мы шагнули вперед одновременно и оказались стоящими на мокром песке. Вокруг простирался бесконечный пляж, залитый водой. Полоса моря виднелась далеко на горизонте, там вскипали пенные валы и слышался отдаленный рокот. Низкое свинцовое небо отражалось в мелких лужах, растекающихся под нашими ногами.

И больше здесь не было ничего. Только серая земля, вода и далекий океан.

— Осторожнее, — сказала Талия. — Это зыбучие пески.

Подозреваю, она исходила пустой мир Спино вдоль и поперек. Искала зацепки, следы, слабые места, воздействуя на которые можно повлиять на девочку. Но, похоже, ничего не нашла.

— Давно вы пытаетесь обуздать ламию?

— Три дня, — ответила харита после небольшой паузы.

Она шагала рядом со мной, не замечая, что ее туфли увязают в песке, а ледяная вода заликает ноги по щиколотку.

— Почему сразу не обратились ко мне? Что может быть проще — обменять дэймоса на перспективного сновидящего.

Девушка взглянула на меня с холодным неодобрением:

— Человеческая жизнь — не разменная монета.

В глазах Талии мелькнуло нечто трудноуловимое, вероятно — досада на упорство, с которым я пытался выяснить очевидные вещи.

— Наша цель — спасти людей, Аметил. От болезней, атак темных сновидящих, от их собственных страхов... Чего бы нам это ни стоило. Мы все знаем, что в любой момент можем погибнуть. И ты тоже это знаешь. Но каждый раз все равно заходишь в сон. Как вчера или неделю назад. Не происходит ничего необычного, мы, как и всегда, исполняем свой долг. Так о каком обмене может идти речь?

Все верно. Не поспоришь. Какая разница — кто я на самом деле. Все равно пойду вытаскивать Домиана из плена ламии, точно так же как спасал Эйсона от его кошмара, или Никоса, или десятки любых других людей. И так же Талия будет защищать меня. Как бы она ни относилась ко мне.

— Здесь осторожнее, — произнесла харита, останавливаясь на краю очередной ничем не примечательной лужи.

Океан вдали продолжал мерно катить гигантские валы, но мне почудилось, что их гул стал чуть громче. Талия огляделась, не двигаясь с места, затем стянула на горле воротник плаща, и внезапно поднявшийся ветер смял в мелкие складки воду, заливающую плотно слежавшийся песок. Девушка внимательно посмотрела на небо, и тут же из низких облаков начал накрапывать холодный дождь. Со стороны казалось — она всего лишь настороженно осматривается во враждебной местности. Я знал — сновидящая ориентируется в мире дэймоса по ей одной понятным знакам.

— Да, это здесь... — сказала харита скорее себе, чем мне, опустила руку в карман, достала какой-то мелкий предмет и бросила в лужу.

Я успел разглядеть маленькую плоскую пластинку — закругленную с одного края и слегка вытянутую с другого. Это был костяной плектр для игры на кифаре. В бледном

свете серого дня он блеснул неожиданно ярко и упал в воду. Но не легко и беззвучно, а с громким плеском, подняв тучу брызг, словно был на самом деле тяжеленным камнем. Ухнул на дно, пробив собой немаленькую дыру в песке, и провалился куда-то в темноту, увлекая следом куски пляжа и потоки воды.

Я с уважением посмотрел на хариту.

— Мне нравятся твои методы работы.

Она мельком улыбнулась в ответ.

— В прошлый раз мне пришлось дать поглотить себя зыбучим пескам, чтобы найти путь к пленнику. Не самое приятное ощущение.

— Охотно верю. Миры дэймосов весьма коварны.

Пролом в пространстве ламии расширился еще сильнее.

— Теперь иди, — сказала Талия, глядя в темноту, распаивающуюся у нас под ногами. — Я буду рядом, хотя она меня не увидит. Ты не останешься один.

У хариты имелись свои секреты, выведывать которые у меня не было времени.

— Мне кажется, фаенна, или ты нервничаешь?

Медовые глаза девушки потемнели, словно приближающаяся тьма постепенно гасила их теплый свет.

— Будь внимателен, — произнесла она, сумев вложить в эти два простых слова и предупреждение оставаться бдительным при встрече с дэймосом, и приказ не расслабляться, чтобы не пропустить нужный знак, если придется бежать.

— Обязательно, — ответил я и шагнул вперед. В пустоту, куда медленно стекали капли песка и осколки воды...

Несколько долгих мгновений полета, больше похожего на падение. Моего лица касались невидимые крылья бесшумного ветра, а черноту перед глазами разрезали красные молнии, похожие на взмахи меча вечного воина Панарея¹ или стремительный росчерк кривого ножа мойры Атропы, готовой перерезать еще одну человеческую жизнь, вполне возможно мою.

---

¹ Одно из имен бога войн Ареса-Марса.

Падение оборвалось внезапно. Подошвы моих ботинок ударились о твердую неровную поверхность, и я оказался посреди гигантского храма. Стены его безграничного зала едва просматривались в тусклом сером свете, крыша возносила над головой, напоминая ночное небо, затянутое грозовыми тучами. В воздухе плавали хлопья сажи. Пахло недавним пожаром. И над всем этим мрачным великолепием я ощущал тень Тайгера. Его не было видно, но я знал — он поблизости. Везде и нигде...

В центре зала, расколотого на две половины широкой трещиной, возвышалось нечто странно-причудливое. Вызывающее любопытство и неприязнь одновременно.

Теперь я понимал, почему охотник на дэймосов не мог обезвредить Спиро. Пленный сновидящий висел над пропастью, связанный надежными путами. Со стороны это было похоже на чудовищную скульптуру, порожденную больным разумом. Она вздыбилась на краю обрыва, готовая рухнуть вниз.

Ламия сплелась с жертвой словно дерево. Ноги и руки девочки подобно длинным корням впивались в тело Домиана, прорастали в него, так что с первого взгляда было невозможно различить, где плоть ученика Тайгера, а где — сама дэймос. Ее спина изгибалась бледным древесным стволом, выступающие ребра надежной клеткой обхватывали голову и туловище пленника, сквозь трещины в них виднелась лишь часть лба и полуоткрытый глаз. Лицо Спиро — растянутый, неровный узор на коре — поднято к низкому, темному небу, с которого падали хлопья пепла.

Я медленно двигался вперед, с каждым шагом различая все новые детали. Пальцы Домиана, сведенные судорогой боли, вокруг каждой фаланги обвиваются пряди тонких серых волос, струящихся с головы создательницы кошмаров. Набухшую вену на его лбу, готовую лопнуть от пульсации крови. Но видел я и трещины, изрезавшие искривленное, вытянутое тело ламии, редкие алые капли, сочащиеся из разрывов на ее коже. Девочка страдала сама, сделав из себя живую ловушку для сновидящего. Как знакомо, как нелепо.

— Спиро, — произнес я, подходя ближе. — Ты звала меня. Я — здесь.

Лицо, запрокинутое к небу, медленно опустилось. Его искаженные, одеревеневшие черты были едва узнаваемы.

— Отпусти человека.

— Почему ты его защищаешь? — прошелестел голос, похожий на шорох сухих листьев.

— Не его. Ты убиваешь себя. Тебе не говорили, что ламия, создавая *клетку удержания* из собственного тела сновидения, разрушает его?

Ветви — руки Спиро — лишь плотнее обвили вокруг Домиана. Тело девочки, похожее на высохший, расщепленный ствол, ниже склонилось над пропастью.

— Что ты можешь знать об этом?

— Гораздо больше, чем ты думаешь. Пленника действительно никто не вырвет из твоих объятий, и не исцелит, но ты рассыплешься в прах вместе с ним. Очень скоро. И ради чего?

Она молчала и смотрела на меня пустыми глазами, напоминающими сучки на древесной коре.

— Отпусти его, пока не стало слишком поздно.

— Я не могу, — произнесла Спиро очень тихо.

На миг она показалась мне не грозным дэймосом, а ребенком, взвалившим на себя сложнейшее и опасное дело. Ей было страшно.

— Спиро, послушай меня. Что бы ты ни задумала, ничего не получится. Чего ты хочешь добиться? Ты не сможешь освободиться из тюрьмы таким способом.

— Я не добиваюсь свободы, — выдохнула она, и по ее искривленному телу прошла дрожь.

— Тогда чего ты хочешь? От меня?

— Подойди ближе...

Я сделал шаг вперед, на миг мне почудилось неуловимое движение рядом. Я действительно не был оставлен один на один с дэймосом, вырвавшимся из-под контроля. За мной наблюдали. Отметив мимоходом этот факт, я сосредоточил все внимание на Спиро. Она смотрела на меня, и в ее остановившемся взгляде сквозила боль и напряжение.

Теперь я легко мог бы коснуться девочки и даже пленника, все глубже погружающегося в живую клетку.

— Чего ты хочешь? — повторил я.

— Покажи мне последнюю могилу в твоём мире, — четко и ясно произнесла ламия, но мне показалось, я ослышался.

Это была ошеломляюще неожиданная просьба. Сперва мне почудилось — она шутит или слегка повредилась в рассудке, трое суток удерживая человека в плену.

Признаться, я ждал жесткого ультиматума. Требования освободить всех пленных дэймосов или приказа самому броситься в пропасть в качестве мести за мою «измену».

— Ты убиваешь себя, убиваешь человека... только для того, чтобы взглянуть на старую каменную плиту?!

Могилы в мире дэймоса — постоянное напоминание о его жертвах. Убитых, замученных, обманутых, лишенных памяти или здоровья. Я уничтожил все... почти все.

— Я оставлю человека, если ты покажешь мне твою последнюю могилу.

— Зачем тебе это надо, Спиро?

— Покажи, — потребовала она, и по ее изломанному телу прошла дрожь.

Домиан задергался в объятиях ламии, я видел, как все сильнее наливается кровью сосуд на его лбу.

— Хорошо, — ответил я, прежде чем она случайно не задушила человека. — Я выполню твою просьбу. Отпусти его.

— Меняемся, — велела Спиро, и в ее голосе прозвучали внезапно почти исчезнувшие детские нотки.

Хорошее правило — не вести никаких переговоров с дэймосами, не идти на уступки, не поддаваться на шантаж, не играть в их игры. Прекрасно звучит в теории. Жаль, что в реальности это практически не осуществимо.

Я сделал еще один шаг. И Спиро, изломав тело под новым невообразимым углом, подалась вперед и протянула мне руку, больше похожую на ободранный ветром сук. Я помедлил всего лишь долю секунды. А затем сжал потрескавшиеся пальцы, тонкие, как спицы, они впились в мою ладонь, оплетая, срастаясь с ней, втягивая в себя. Она была

очень сильной и наполнена неукротимой яростью. Даже несмотря на то что ее тело разрушалось. Ламия знала, что не выживет, но это ее не волновало.

— Почему ты не выросла за эти годы, Спиро?

— Так захотел Фобетор, — неожиданно гулко прозвучал у меня в голове ее голос.

«Задержка роста из-за гормонального нарушения, — подумал я машинально. — Скорее всего, синдром Гераны¹. Врожденный дефект гена-рецептора соматотропного гормона, приводящий периферические ткани к нечувствительности при воздействии гормона роста».

— А теперь веди, — приказала ламия.

У моей ноги негромко хрустнуло что-то. Тонкая костяная пластинка, которую используют для игры на кифаре. По закругленному краю пошла едва заметная трещинка.

— Идем, Спиро, — произнес я, наступил на плектр и полетел вниз, увлекая вместе с собой ламию и ее жертву.

Этот полет-падение был гораздо короче, чем предыдущий. Декорации сменились быстро, почти мгновенно. Вместо величественного античного храма, наполненного дыханием уснувшего пожара, вокруг развернулось старое заброшенное кладбище. Неподалеку стояло полуразрушенное здание с провалившейся крышей. В зарослях сорных трав виднелись обломки замшелых камней. Возле одного из них — плоского, обколотого со всех четырех углов, покрытого сетью трещин, возвышалось уродливое, изломанное дерево с человеческим лицом.

— Эта, — сказал я, указывая взглядом на плиту у своих ног.

Ламия, не выпуская моей руки, наклонилась, вчитываясь в надпись. Целую долгую секунду она стояла не шевелясь, а затем вдруг покачнулась, вскрикнула. Пальцы, держащие меня за руку, начали медленно осыпаться мелкой трухой.

---

¹ Герана — в мифологии царица пигмеев, существ очень маленького роста. В современной науке заболевание также известно как синдром Ларона.

— Нет! Нет!!... — закричала Спиро.

— Открой клетку! — крикнул я.

Но она меня уже не слышала.

Ее тело ссыхалось, таяло, выкручивалось, разрушалось. Продержаться чуть дольше и даже, быть может, спастись ей помогла бы немедленная смерть Домиана, а еще лучше и моя тоже. Но из тревожной пустоты кладбища выступил очень хорошо знакомый мне силуэт. Движение серпа в его руке было столь стремительно, что я не смог отследить тот миг, когда оказался свободен. А возле плиты осталось стоять болезненно искривленное дерево, напоминающее сторбленную старуху. У его подножия лежал освобожденный Домиан.

Сновидящий повернулся ко мне.

— Благодарю, Тайгер, — сказал я, чувствуя, как на меня накатывает внезапная усталость.

— Благодарю Талию, — ответил он, глядя на высохший древесный ствол, печально склоняющийся над могилой.

И я не смог понять, что тревожит его больше — гибель ламии, неизвестные мотивы, двигавшие ею, или то, что дэймосу удалось вырваться из-под его контроля.

Перековщик наклонился, поднял спасенного ученика и шагнул прочь, уходя из мира сновидения, который был почти такой же, как мой мир.

— Очень похоже, — сказал я, глядя ему вслед, но обращаясь к той, которая все это время должна была быть рядом со мной. Невидимая и неосязаемая.

— В твоём мире меньше могил, — ответила Талия, выходя из полоски тени, падающей от дерева.

Не представляю, как ей удалось так быстро создать пространство сновидения, практически не отличимое от моего. Вряд ли когда-нибудь она ставила перед собой цель — досконально изучить расположение могильных плит на моем кладбище, оттенки света на ржавой решетке в оконном проеме здания и горечь полыни, плывущую в холодном воздухе...

И этого имени на камне в моем мире точно никогда не было, и быть не могло. Я смотрел на него, испытывая одно-

временно печаль, досаду и неутраченное чувство вины. Чтобы хоть немного заглушить их, я спросил:

— Для чего ей была нужна последняя могила?

— Не ей, а им, — задумчиво уточнила Талия. — Всем тем, кто стоял за этим покушением. Тем, кто заставил Спиро умереть.

— Но зачем?

— Я не понимаю, Мэтт. Пока не понимаю. Но уверена в одном, они не узнали то, что хотели узнать. — Она крепко взяла меня за руку и потянула за собой прочь из этого сна.

Я шагнул следом за харитой. Но оглянулся напоследок. Сухое дерево, в вечной скорби склоненное над растрескавшейся плитой под ним. И одно-единственное имя, выбитое на ней.

«Феликс»...

Глава 2 БРИМА КОРА

— Кого ты убил последним?

В голосе Талии не было ни осуждения, ни любопытства. Мы стояли среди берез неподалеку от кладбища, настоящего кладбища, в моем мире снов. Дул сильный, холодный ветер. Он безжалостно мотал тонкие ветви деревьев и свистел в обнаженных кронах. Под ногами похрустывал ледок, стянувшийся промерзшую землю.

— Ты же сама, насколько я понял, знаешь ответ, — сказал я. — Можно было и не напоминать мне.

Харита нахмурилась, глядя с легким недоумением. И я уточнил:

— Имя на могиле. Феликс. Совсем не обязательно было показывать мне его...

— Аметил, — мимолетным прикосновением руки Талия заставила меня замолчать. — Я не оставляла это имя. Когда я создавала плиту, она была гладкой, без единой впадины.

Теперь была моя очередь недоумевать.

— Значит, надписей не было?

- Нет.
- Ты уверена?
- Абсолютно.

Я смотрел на хариту, но не видел ее, глубоко погружившись в свои мысли. Можно было предположить, что имя на камне — послание от моего Фобетора. Напоминание или предупреждение. «Будешь двигаться в том же направлении, закончишь как твой учитель», или что-то вроде этого.

— Талия, ты очень спешишь или у тебя еще есть время?

— Мы можем побеседовать, — отозвалась она, непроизвольно ежась. Этот фрагмент моего сна был совсем не гостеприимен, хотя и не особенно враждебен.

— Так кого ты убил последним? — повторила харита свой вопрос.

— Не помню.

Она недоверчиво улыбнулась, провела кончиками пальцев по лбу, отводя рыжие пряди, растрепанные ветром.

— Аметил, я не собираюсь порицать тебя или выказывать негодование. Ты же понимаешь, насколько важен твой правдивый ответ. Одна из пленных дэймосов захватила человека только для того, чтобы увидеть этот знак в твоём мире. Мы должны понять...

— Я не помню, Талия. Прошло много времени. Я никогда не старался запомнить свои жертвы. Кроме того, я перedelывал свой мир сновидений, почти все могилы ушли под землю. А те, что остались, не знаю — первые они или последние.

Несколько мгновений харита размышляла.

— Если ты не помнишь... мы можем обратиться к Герарду. Пусть заглянет в твоё прошлое. Думаю, он сумеет увидеть ответы.

— А можно поступить еще проще. Допросите пленных дэймосов. Сразу узнаете и повод и мотив. Вряд ли Тайгеру будет сложно разговорить причастных к этому похищению.

Талия помолчала, скользя рассеянным взглядом по деревьям, прячущим за белыми стволами следы моих жертв. Определенно, за ее безмятежностью крылась напряженная работа мысли.

— Да, конечно... — произнесла харита задумчиво, затем пристально посмотрела на меня. — Я хочу взглянуть на твоё кладбище.

Я сделал широкий приглашающий жест в сторону едва заметной тропы, петляющей среди берез. Пожухшая трава льнула к земле, кое-где из её тусклого ковра торчали длинные сухие побеги полыни. Бурые листья, похожие на старые истертые пуговицы, лежали на дороге.

Здесь всегда было холодно, дул ветер, гулко шумящий в кронах деревьев. Унылое, тоскливое место.

Харита медленно шла между плит, рассматривая их. Всего четыре. Почти утонувшие в земле, покрытые лишайниками.

— Кому принадлежит эта?

Возникло ощущение, что мне предлагали рассматривать мертвые тела, чтобы опознать их. Я взглянул мельком.

Крайняя слева. Плоский черный камень пересекает длинная трещина, из нее торчат стебельки проросшей травы.

— Не помню.

— Никаких ассоциаций? — продолжила расспросы Талия, не удовлетворенная моим неизменным ответом. — Мужчина? Женщина? Ребенок?

— Никогда не воздействовал на детей, — ответил я довольно резко, а девушка неожиданно улыбнулась.

— Ну вот, мы уже сдвинулись с мертвой точки. Значит, мужчина или женщина.

Я невольно усмехнулся, убедившись еще раз — харита умела быть настойчивой.

— Хорошо, Талия. Я приложу все усилия, чтобы вспомнить.

Я приблизился к плите вплотную. Опустился перед ней на колени, чувствуя сквозь ткань джинсов холодную мокрую землю, положил обе ладони. Моя спутница замерла рядом. Боковым зрением я отметил ее неподвижную фигуру, неуместно ярко выделяющуюся на фоне серого пейзажа, а затем размахнулся и со всей силы ударил по камню кулаком. Тонкий силуэт рядом дрогнул, харита подалась ко мне, но больше я ничего не видел. Меня затопила боль, она хлы-

нула от разбитых пальцев вверх, сковала локоть, плечо, пригасила зрение, и передо мной вспыхнула картина.

Длинная лестница. На мраморных ступенях одинаковые белые листы. Они летят, как высушенные солнцем листья. Среди них лежит молодой мужчина в деловом костюме, одна рука его откинута в сторону, в ней полуоткрытая папка, из которой течет бесконечный поток бумаг. Голова запрокинута, пустые глаза широко распахнуты, на правом виске крошечная красная точка.

Видение рассеялось. Я снова оказался стоящим на коленях перед надгробием. Сжимая запястье разбитой руки. Талия с легким беспокойством склонялась надо мной.

— Мужчина, — ответил я хрипло на ее невысказанный вопрос. — Мертв.

— Кто он?

— Торговал чужими секретами. За последний запросил слишком много.

— Можно немного подробнее? — спросила Талия, но я отрицательно мотнул головой.

— Потом. Еще три могилы. А как ты видишь, это не самый приятный способ, чтобы освежить память.

Харита посторонилась, открывая мне подступ ко второй плите.

Я сел перед ней, рассматривая серую выщербленную поверхность. Рука заныла сильнее, словно предчувствуя новую волну боли. Талия пристально смотрела на меня, я чувствовал ее жаркий, внимательный взгляд. Не давая себе времени на размышления, я размахнулся и снова ударил.

В алой вспышке возник полутемный пыльный коридор, в глубине его дверь. Она медленно приоткрывается. Через щель выглядывает кто-то. Можно различить растрепанную сизую прядку волос, бледную щеку с продольной морщиной, и глаз, блестящий, словно новенькая стеклянная пуговица. В нем таилось болезненное любопытство и недоверчивость.

В отличие от первой, эта картинка гасла медленно и неохотно. Мне пришлось заставить себя вынырнуть из нее. Лицо хариты подернула легкая дымка, напоминающая туманное море.

— Женщина... — сказал я и не услышал своего голоса, пришлось повторить громче: — Женщина.

— Я поняла, Аметил, — долетел до меня с небольшим запозданием ответ девушки. — Что с ней случилось?

— Замкнутый круг. Тот, кто вызывает болезни, болеет сам.

Харита присела рядом, внимательно глядя мне в глаза.

— Ламия? Ты уничтожил ламию?

— Брима Кора, — мой голос звучал приглушенно и зловеще, хоть я и не стремился к внешним эффектам, стараясь говорить более-менее внятно. — Жива. Но сама погружает себя в безумие.

Я поднялся, ощущая на предплечье руку хариты, поддерживающей меня.

До третьей могилы была всего пара шагов, но мне казалось я преодолевал их гораздо медленнее, чем требовалось.

Третья могила отозвалась не сразу. Смазанный отпечаток моей руки темнел на фоне серого камня, в памяти было пусто, и мне пришлось долго смотреть на пятно крови, пока оно не стало расплываться, дрожать... а затем из его центра начал медленно проступать барельеф — черный, блестящий, неторопливо оживающий. Две человеческие фигуры. Одна резко вскинула руки и толкнула другую. Та, более массивная и неповоротливая по сравнению с хрупкой первой, опрокинулась навзничь, упала и больше не двигалась. А спустя мгновение четкое изображение превратилось в бесформенную кляксу.

— Кто это?

— Жертва убивает жертву, — ответил я, слыша, что мой голос становится сухим как прошлогодняя трава. — Жертва падает.

Вряд ли она что-то поняла из моего объяснения. Я сам с трудом понимал. Но надо было продолжать.

Я подошел к последней плите.

От нее осталась только небольшая впадина, почти заросшая травой и мхом. Бурый камень в центре едва просматривался под слоем корней. Я ударил кулаком прямо в него и... провалился в яркий солнечный день.

Едва слышно шелестел теплый ветер. Золотые лучи освещали зеленую поляну, окруженную высокими дубами. Неподалеку слышался плеск воды и мелодичный женский смех. Прямо передо мной стоял невысокий лавр. Я мог разглядеть каждый лист, каждую веточку, чувствовал свежий запах, исходящий от него. Деревце, молодое и сильное, дрогнуло, стало клониться к земле, тонкие струи дыма окутали его побеги, и очень скоро весь ствол скрыла сизая пелена. Сквозь нее еще пару секунд просвечивали листья, а затем лавр растаял, превратился в бесцветное облачко.

— Прорицатель... — долетел до меня едва слышный шепот.

Зрение вернулось ко мне. Я все еще был на кладбище. Холодное и мрачное, оно по-прежнему дышало ледяным ветром и равнодушием. Единственным теплым огоньком, озарявшим его, были рыжие волосы хариты, но взгляд янтарных глаз, обращенный на меня, пронзил морозом.

Мир вокруг меня перевернулся, вытягиваясь и искажаясь, а затем рухнул в темноту...

Я лежал на кровати, вытянувшись во весь рост. Правую руку простреливало болью от запястья до локтя. Пальцы левой, сомкнутые вокруг игрушки дэймоса, свело, и я с трудом разжал их.

— Ты убил прорицателя?! — прозвучал рядом голос Талии. Хоть она и обещала быть непредвзятой, не смогла сдержать негодования.

— Нет. Заставил его не делать предсказаний. — Я повернул голову и увидел, что она уже поднялась и теперь смотрит на меня сверху вниз.

— Ты убил его, — повторила девушка с ледяной уверенностью. — Все равно что убил. Знаешь, что происходит с оракулом, которого вынудили отказаться от своего дара?

— Примерно представляю, — ответил я, массируя руку, ноющую от боли.

— Он перестает отличать правду от лжи в мире снов. Знаки путаются, символы меняются местами, он не понимает, что видит. Реальность вокруг него также начинает сходиться с ума. — Харита осеклась, покачала головой, еще

раз окинула меня взглядом, словно недоумевая — кому и, главное, зачем она пытается рассказать о мучениях человека. — Какое предсказание ты заблокировал?

— Не помню, какую-то мелочь.

— Вставай. Одевайся. — Талия швырнула мне джинсы. — Из всех четырех жертв эта представляется мне наиболее ценной для дэймосов.

Я протянул руку и положил игрушку на комод, рядом со стеклянной банкой, в которой уже лежали несколько новых пуговиц, а затем сказал:

— Я по-прежнему не уверен, что этот последний.

— В любом случае, мы начнем, — холодно откликнулась Талия.

Мне совсем не понравился нажим, прозвучавший в ее голосе.

— Ты хочешь навестить все жертвы?!

— И если ты поторопишься, мы успеем сделать это сегодня.

— Как ты их найдешь? Я уверен в местоположении только одного — пепел в море.

— Нарисуешь портреты, — безапелляционно заявила харита, которой наскучило спорить со мной. — Знаю, ты прекрасный художник. Я пробую изображения по своей базе данных. А ты, если понадобится, переберешь все свои залежи пуговиц и проверишь каждую.

Она бросила быстрый взгляд на стеклянную емкость с моими трофеями и стремительно вышла из комнаты.

Мне пришлось вылезать из постели и, преодолевая неутраченную боль в руке, одеваться, а затем тащиться в гостиную. Там я зажег все имеющиеся источники света, достал чемоданчик с художественными принадлежностями, открыл его и снова подумал о Хэл. Ее рисунки по-прежнему лежали под деревянной крышкой — яркие, необычные, запоминающиеся. Вот последний набросок, всего несколько грубых штрихов, но образ весьма четкий — корявая человекоподобная фигура с длинными костлявыми руками. Изображение Фобетора моей ученицы. Успела его нарисовать

за считанные минуты в тот день, когда мы спешили на помощь ее друзьям. Интересно, вернется ли она?..

Я закрыл папку с работами Хэлэны. Достал чистый лист и взялся за первый портрет.

Харита села напротив и, пока я работал, не сводила с меня тяжелого, изучающего взгляда.

— Талия, ты не могла бы не смотреть на меня так? — попросил я, не поднимая головы. — Очень отвлекает.

— Я думаю о том, как Феликс мог скрывать этот дом. Здесь каждый угол, каждая деталь выдает принадлежность к миру дэймосов.

— Он никого сюда не приглашал. Кроме очень редких клиентов, — ответил я сухо, накладывая тени на впалые щеки женщины, все четче проявляющейся на бумаге.

— Нет, я о другом, — продолжила Талия с прежней задумчивостью. — Феликс был учеником Геспера. Тот учил его, поддерживал, всегда был в курсе любого его шага. И дом, где проходило обучение, должен был стать истинным домом Феликса. Откуда появился этот? Как возможно совместить два убежища? Две сути — дэймоса и эпиоса?

Я посмотрел на хариту.

— Не знаю. Он никогда не говорил об этом. У нас было много тем для обсуждения, помимо прошлого моего учителя... Вот, первый портрет. — Я подтолкнул к ней рисунок.

Талия взяла лист, внимательно изучая лицо на нем, не глядя вынула из кармана пиджака тонкий коммуникатор. Суперсовременный сканер.

— Кора, — произнесла она через минуту. — Семьдесят шесть лет, живет в семье сына. Исторический центр Полиса...

Похоже, коммуникатор хариты был подключен к сети эринеров.

— Зачем ты напал на ламию? — спросила она, не поднимая взгляда от экрана.

— Мы столкнулись, когда я лечил одного из пациентов, — ответил я, рисуя второй портрет. — И она слишком настойчиво цеплялась за человека. Не хотела его отпускать. Мне пришлось принять меры, чтобы она забыла о жертве.

— Кто был жертвой?

— Девочка, — сказал я, растушевывая черную тень на листе. — Семь лет. Рисовала в парке. Добрая женщина восхитилась ее пейзажем. Юная художница подарила ей рисунок, а та угостила ее конфетой. Через два дня девочку привезли ко мне. Без сознания, с температурой под сорок. Кто-то из медиков, к счастью, понял, что ей нужен не врач, а сновидящий.

Талия мельком взглянула на меня, я заметил быстрый проблеск одобрения и подал следующий рисунок. На нем был изображен мужчина с высоким лбом, крупным носом, который Феликс назвал бы исторически-монументальным, и тонкими губами — в их складке виделась сдержанность и невозмутимость. Широко расставленные, светлые глаза...

— Норикум, — сказала Талия, вновь прибегнув к помощи сканера. — Северо-западный район Полиса. Научный сотрудник одного из отделений корпорации «ЗЕВС», лечился от серьезного невроза. Победил недуг и вернулся к работе. Что ты сделал с этим человеком?

— Сыграл роль мироздания.

— Кого, прости? — нахмурилась Талия.

— Помнишь, люди в древности молили богов о дарах и милости. Затем стали обращаться к мирозданию — дать любви, гармонии, благополучия. Фабий пришел ко мне просить сил.

— Сил? Физических?

— Нет, душевных. — Я невольно улыбнулся, вспоминая своего давнего клиента. — Уверен, Талия, у тебя никогда не было подобных проблем. Он считал, что ему недостает стойкости, решимости перед лицом возможных трудностей.

— Возможных? — чутко уловила Талия самое главное слово в моем ответе.

— Именно. У него была какая-то мелкая незначительная проблемка. Уже не помню что. И он обратился ко мне с просьбой дать сил, чтобы пережить сложности. Ну а как можно помочь человеку понять, что эти силы у него появились? Только подсыпав новых испытаний.

Харита откинулась на спинку стула и недоверчиво покачала головой, видимо поражаясь выводам, которые я делал.

— Вполне логично, — продолжил я. — Как тренирую мышцы? Все увеличивающейся физической нагрузкой. А мозг? Все более сложными задачами. А как тренировать силу духа? Проблемками и бедами, которые надо перенести с достоинством и мужеством.

— Мне сложно представить, что ты заставил его пережить. И главное, как ты это сделал?

— Подсознание — прекрасное место для игры, как ты понимаешь, фаенна. Я записал в него приказ постоянно делать неправильный выбор. Отступить тогда, когда требуется двигаться вперед, медлить, а не действовать, торопиться вместо того, чтобы остановиться и подумать.

— И к чему это привело его? — спросила Талия, слушающая меня со все возрастающим интересом.

— К попытке убийства. Но, судя по твоим сведениям, — я кивнул на коммуникатор в ее руках, — он действительно прошел все испытания. Теперь может говорить сам себе: «Какой же я сильный, все пережил и не сломался». То, что он хотел.

Харита покачала головой, поражаясь моему изощренному воображению и явно думая о том, что она никогда не доверила бы лечение людей дэймосу, даже бывшему.

— Жестокое решение, — произнесла наконец Талия и добавила нехотя: — Но необычное.

Я понимал, ей не слишком приятно оценивать нюансы действий черного сновидящего. Но она не могла не отметить стиль и размах моей работы. Девушка больше ничего не сказала, но я чувствовал ее пристальный взгляд.

— Я не очень-то задумывался о людях — хочешь ты сказать? Это правда. И юмор у меня был... своеобразный.

А еще я подумал, что в тандеме с Феликсом мы обладали действительно большой силой.

Я протянул ей последний лист. На нем был портрет парня с решительным и волевым лицом, строгость которого смягчали красивые, чувственные губы.

— Адриан? — произнесла Талия с удивленной вопросительной интонацией, напряженно вглядываясь в рисунок,

словно пытаюсь понять — не ошиблась ли она, потом посмотрела на меня, и в ее глазах отразилась новая степень неприязни. — Значит, это ты сделал?

— Кто он?

— Боюсь, Аметил, сегодня к числу твоих недоброжелателей прибавится еще один.

— Кто он, Талия?

— Друг Клио. Был им тридцать с лишним лет назад. — В голосе хариты зазвучала зимняя сталь. — Той самой Клио, которая вечно вытаскивала тебя из проблем, голосовала за тебя при решениях Пятиглава, добиваясь самого мягкого из всех возможных наказаний, и всячески поддерживала. А ты отблагодарил аониду тем, что украл жизнь у ее самого близкого человека.

Я почувствовал себя убийцей. Снова.

Воздействовать на прорицателя меня просил Феликс. Адриан не был моей жертвой. Нет, был, конечно, но выбрал его не я. Учитель принес однажды пуговицу и велел внести кое-какие мелкие изменения в сознание жертвы. Я сделал это. Легко, не задумываясь. Такое элементарное касание. Я забыл о нем, едва выполнив. Я даже не знал, что парень — потенциальный оракул. Вернее, не дал себе труда узнать, потому что был занят другим интересным, сложным, захватывающим делом.

Я хотел сказать об этом Талии, но не сказал. Не стал оправдываться. Все равно оправдания не было.

— Я могу все исправить.

— Почему же не исправил раньше? — горько спросила харита.

— Я делал это. Каждый день, но...

Я мог справиться со всем, кроме смерти. Помню, как сидел, перебирая пуговицы, но за каждой, почти за каждой была тьма. Тогда я старался вылечить кого-то другого, или сделать немного счастливее, или спасти от атаки дэймоса. Другого дэймоса.

— Собирайся, Аметил, — сказала Талия, аккуратно складывая мои рисунки. — Времени у нас не так много.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Ламия	6
<i>Глава 2.</i> Брима Кора	30
<i>Глава 3.</i> Нейротекс. «Эгла»	58
<i>Глава 4.</i> Украденная жизнь	80
<i>Глава 5.</i> Альбинос	115
<i>Глава 6.</i> В сердце Полиса	185
<i>Глава 7.</i> На пути дэймоса	215
<i>Глава 8.</i> Морок	239
<i>Глава 9.</i> Стена	262
<i>Глава 10.</i> Возвращение	287
<i>Глава 11.</i> Смерть Фобетора	299
<i>Глава 12.</i> Из пепла	320
Г и п н о с а р и й	349